

в "каталогах" австрийского дворянства. Таким образом, пишет Сюзанна, "семья не была дворянского происхождения; они стали "достойными" при дворе только в год французской революции и получили рыцарское звание. Более того, у них "говорящие имена", иллюстрирующие еврейское происхождение, — Самуил и Готтлиб, то есть Еммануил". "Лояльные имена — Христиан и Андреас — приписаны по необходимости, — свидетельствует Эрнст Петрич, — иначе они никогда не сделали бы карьеры в католической Вене, в особенности карьеры дипломатической".

Теперь понятно, почему фон Том никогда не подписывал деловые бумаги своим полным именем: во-первых, не мог афишировать своего происхождения в пределах России, а во-вторых, искренне не желал быть самозванцем, то есть носить "новодельное" имя (вспомним, что сын его все же носил подлинное отчество, хотя и несколько русифицированное). Мало того, мозайка первоисточников позволяет видеть, что австрийский дипломат до конца своих дней оставался приверженцем вены отцов и покровителем своих единоверцев. Так, много места в корреспонденциях фон Тома из Одессы занимают разнообразные "еврейские сюжеты", скажем, обширная переписка о негицанте Хайме Горховере. Этот еврейский коммерсант пожелал покинуть галицийские Броды и открыть торговлю в Одессе, однако венский двор почему-то препятствовал осуществлению этого намерения. Власти отказывали ему в выдаче паспорта, не разрешали пересекать границу. В этом и многих других случаях Том вступался за еврейских купцов, причем всегда мотивировал тем, что сомнительные политические принципы должны уступать место взаимовыгодным межгосударственным отношениям.

Мои зарубежные коллеги подчеркивают, что, несмотря на "сомнительное происхождение", император высоко ценил Самуила фон Тома. Скажем, в 1804 году немало объявилось охотников, желающих консультировать в Одессе, в том числе — именитых, однако предпочтение было все же отдано "нуворишу". Мало того — и это весьма показательно! — ему было дозволено СОВМЕЩАТЬ ОТВЕТСТВЕННУЮ СЛУЖБУ С АКТИВНЫМИ КОММЕРЧЕСКИМИ ОПЕРАЦИЯМИ. Как было сказано, его наградили высшим орденом, а когда он пожелал уйти со службы, его ходатайство удовлетворили без проблем. Что до старшего сына, Карла, служившего при отце с 1818 года, он добился должности уже не так просто: обращение к императору о повышении в чине последовало в 1832 году, а удовлетворено лишь два года спустя.

"Вот репрезентативная личность, — говорит Сюзанна Накатен о Самуиле фон Томе, — идеально подходящая для жизни в расцветающей Одессе, не так ли?" В самом деле, фон Том превосходно вписывался в историко-бытовой пейзаж стремительно прогрессирующего приморского торжища! Именно с его легкой руки бродские евреи заняли достойное место в городе и регионе, способствовали тому, что о еве народившемся в голой степи городке заговорили по всей Европе. Сохранились архивные материалы (я ознакомился с таким рода документами и в Государственном архиве Одесской области) о соответствии фон Тома расселению сотен семей из Австрии на территории между Херсоном и Одессой. Обратим внимание на то, что означенные мигранты были людьми довольно состоятельными и, таким образом, инвестировали торговлю России со странами Южной Европы и Востока. Был таким инвестором и сам австрийский консул.

Вот, оказывается, какой интересный знакомец был у Пушкина в Одессе. Знакомец, несомненно, сыгравший определенную роль в изменении некоторых житейских подходов "коллежского секретаря", пришедшего в итоге к идеи коммерциализации литературного труда и "Разговору книгопродавца с поэтом".

...Основываясь на архивных данных, выдающийся историк Одессы К.Н. Смольянинов утверждает, что самым первым печатным текстом, изданным в городе, были СТИХИ — сонет в честь примадонны итальянской оперной труппы Густавины Замбони. Подписан же этот мадригал криптонимом "F.T.". Предполагается, что автор — это наш герой. Так не-предсказуемо соседствуют в исторических хрониках Одессы два разных поэта, два добрых приятеля — Александр Пушкин и Самуил фон Том.

Хижина дяди... Бейзера

1 июня 1926 г. в газете "Известия одесского окружкома КП(б)У, окружкома и ОПБ" был напечатан фельетон "Хижина дяди... Бейзера" известного одесского журналиста Бориса Давидовича Флита, который в старые времена подписывался псевдонимом Незнакомец, в советские — Д. Маллори, и остался в романе И. Ильфа и Е. Петрова "Двенадцать стульев" под псевдонимами соответственно Принц Датский и Маховик. Принято считать, что газета живет один день. Но, как изъяснялись в старину, ласкаю себя надеждой, что нынешняя публикация фельетона несколько продлит и этот день и память о людях, достойных памяти.

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ

Борис Флит (Д. Маллори)

"А я люблю негритянок", — говорил персонаж Л. Андреева. (1)

Дело вкуса. Это было во времена общественного упадка, поисками экзотики и эмпирики. Но почему теперь в Советской стране столь возлюбили "шоколадных ребят", хоть убейте, не понимаю! "А я люблю негритянок!" — это, конечно, болезнь.

Но "А мы любим негров и джаз-бэнд", это уже — извините — эпидемия!

"Хижина дяди Бейзера" в Воронцовском саду полна звуков негритянских джазбандов и фокстротов. (2)

Хорошо это или плохо, — об этом скажут рецензенты.

Мнение публики различно.

Известный писатель Бабель

улыбается, очки его сверкают, и он яростно спорит с музыкантами "классиком". (3)

"Почему "Аида" искусство, а вот эти фокстроты не искусство?"

Писатель с таким увлечением защищает искусство негров, что известный врач вполне верит мне, когда на его вопрос "Кто этот симпатичный молодой человек?" я отвечаю: "Это? Бабель! Не слыхали?".

"Бабель? Администратор негров?" Я готов ударить доктора, но решаюсь, говорю: "Вот именно администратор! Попросите у него контрамарку"!

Вот она Одесса! Бабеля не знает, но негров обожает!

Впрочем, сам Бабель продолжает эту мистификацию. Он не отрицает, что он "тут администратор в саду". Относительно контрамарки — отнекивается: "Я не выдаю!".

И даже, едва сдерживая хохот, объявляет, что "за устройство получает 30 рублей в вечер..."

Его милое, немного кирзовское лицо расплывается в ульбку до ушей. Он отбегает в сторону и хохочет истерически.

А доктор говорит мне: "Какой милый администратор. Удивительно, как я его не знаю..."

"И знаете, почему создается такая шутка, такое легкое настроение? — говорит мне потом Бабель. — От джаз-бэнда". "И еще от запаха акции!" — вторю ему я, с любовью глядя на нашего Бабеля.

"Шантан! Но я люблю шантан! — восторженно отзываются

толстый зубной врач. — Я даже свое высшее образование получил в "Северном" (4) в свое время...

"Мистификация! Двое совсем не черные".

"А вам что — чернота важна? Так послушайте ваксу".

"Они и поют? Только у них голоса хороши только для ударных инструментов. Так и хочется ударить".

"А вы видели "мима"?"

"Какое мимо? Прямо перед нами, а вы говорите мимо?"

"Я себя чувствую, какой-то "Ханчей в Америке"..." (5)

"Скорее в Африке: на сцене негры, в публике арапы..."

"Нет, вы смотрите, как этот барабанщик работает. 2000 движений в секунду".

"Это он по поту".

"Нет, на память..."

"Сара, не смотри на этого толстого, который за пианино. Не смотри, я тебя прошу. Ты же должна разрешиться..."

Негры становятся в ряд и мурчат по-кошачьи: это выходит довольно музыкально.

Сзади меня говорит какой-то нэпман: "Мамочка, я чувствую, что мы переносимся в Европу. Совсем как в Париже..."

Внизу шумит море, светятся огни порта... грузятся пароходы.

Д. Маллори

1. Рассказ Л.Андреева "Оригинальный человек".

2. Генри Вальдемарсен (Генрих Владимирович) Бейзерт был директором "Сада-театра бывшего Воронцовского дворца", который располагался внизу Приморского бульвара в "Лунном парке", как называли это место одесситы. 29 мая — 4 июня 1926 г. в саду-театре с огромным успехом проходили гастроли американских джазовых исполнителей, о которых знаменитый дирижер И.В. Прибик писал, что "они удивительные виртуозы, с исключительным мастерством владеющие своими инструментами".

3. Исаак Эммануилович Бабель, к тому времени автор четырех книг рассказов и отдельно изданной "Конармии", приехал в Одессу 26 мая 1926 г.

4. Фешенебельный кафе-штант в дворе дома № 12 в Театральном (ныне — Чайковского) пер.

5. Девушка работница — персонаж оперетты Ракова и Руминского "Ханчей ин Америке" — в исполнении известной артистки еврейского театра оперетты, эстрады Клары Юрг.

Генри Бейзерт

Исаак Бабель

Эвелина ШАЦ

Proemio, или Возможное не

1

Я — не еврейка:
ни по религии
ни по традиции
ни по воспитанию
ни по культуре
разве что только
по преследованию

Я — не немка:
ни по отечству
ни по традиции
ни родом
разве что только по дозе
лингвистического участия
то есть культуры
а значит — истории
и в этом случае тоже
по преследованию

Я — не американка
разве что только
по рождению в
Филадельфии
моей матери
и по бесконечному обаянию
города Нью-Йорка

2

Я — не венгерка, ну... может быть совсем
чуть-чуть: внешне некая взрывная смесь цыганского и еврейского: волосы рыжие, кожа
молочно-белая-веснушчатая, но главное —
характер: пироферальный и неистовый, цирковой наездницы и бедуина: этим последним
качеством кочевой сосредоточенности отличалась моя бабушка венгерка.

Я — не австрийка, разве что только по вос-

питанию австро-венгерскому: империя мелкобуржуазная, но еще дисциплинированная, а значит, вполне королевская: дисциплина воспитания, а не принуждения, присуща великим имперским цивилизациям. Последняя была уже пре-демократической.

Я — не русская. Если бы я не была юношески, своей манерой быть, философии родного, то быши эмоционального пейзажа, принадлежностью к определенной материинской утробе — суть язык русский (культура) со своим необычным комплексом славяно / персидско / монголо / турецко / китайско / кочевнической и прочей части Европы. Разве этого так мало, быть русским?!

Я — не итальянка. Если итальянский не был бы вторым чревом, избранным, желанным. Рационализирующими мою русскую иррациональную манеру быть: некая графическая структура моей анархической непринужденности.

И, наконец, — рукопашная, в которой собственная свобода утверждает себя в ожесточенной схватке с принуждением власти имперской или с демократическим низведением к посредственности. Влияния всегда взаимны по закону противостояний, утомительному, но, надеюсь, конструктивному...

Вечно тоскующая по родному языку — Пoesии.

3

Я — не художник — иные науки и прочие ремесла, — если бы только не жила я и не дышала искусством с тех пор, как помню себя, и еще потому, что в венах моих штормом плещется кровь двух творителей, двух чужестранцев: встреча / столкновение родителей

у самого Черного моря, там, где Восток встречается с Западом, а море схлестнулось со степью, наделяя меня двойным зрением кочевника.

Я — не ученьи и не философ, если бы не была рождена и не была баюканы шаманским камланием и аполлонским духом Ольвии-Одессы, — детство на море среди глиняных дощечек, исписанных мистериальной гераклитовой мудростью; быстрый бег родных мест, пока я умирала... Сократ — уже больше не совершенное божество, и даже Чжуан-цы не тревожит мое Nichto, пока я умирала... танцуя с Гераклитом, озвучивая Парменида и воспевая в расстраниченном многообразии пространства пустоту, что вовсе не суть пустота — слово Поэта.

Я — не поэт, если бы не подпольная деятельность в авторском самиздате, требующая лихорадочной неустанных работы, пока стихи не станут чем-то вроде второй натуры, необходимой для продолжения жизненных функций.

Я — не поэт, если бы не писала "И звездная материя — каннибальная", так вот, когда ребята одной сицилийской школы решили, что это слова Данте (в то время как я была просто художником, хотя, пожалуй, не только), так вот, их высокая ошибка меня настолько убедила, что с тех пор, шагая по миру, повторяю: Я — Поэт.

Между poema insularis* и ризоматическими расстояниями — стансы Эвелины.

* (Лат.) — наказание островом, ссылка на остров